

Даже в самые тёмные времена Надежда Кондакова своим словом могла зажечь в сердце ясный и чистый огонь, и это пламя жизни хранило и хранит её по сей день. Её творческое бытие основано на врачевании себя во имя всеобщего блага. В каждом её стихотворении ощущается нескончаемая борьба с духами злобы, которые меняют обличья в зависимости от времени, но всегда узнаваемы истинным поэтом. Благодаря этому дару Надежда Кондакова служит всем, что ей ниспослано свыше Господом. Её поэзия взвеивает над землёй чувство любви, и поэтому она близка и памятна разным поколениям читателей.

НА ГУЛКИХ ТОРЖИЩАХ ЗЕМНЫХ...

* * *

Счастье призрачно, мгновенно,
ускользающе, опасно –
и когда огонь по венам,
и когда светло и ясно.

А в финале жизни краткой –
то ли было, то ли сплыло.
То ли капал Бог украдкой
исчезавшие чернила...

* * *

От сетей ловца, от слов мятежных
комсомолок, нынешних старух,
от воспоминаний неизбежных
сохрани мой замысел и слух!

Я хочу не слышать эти бредни
и не помнить праздных толковищ,
чтоб в церковке бедной у обедни
стал мой дух беспомощен и нищ.

Чтобы в свет преобразилось горе
и глаза очистились от слёз,
чтобы на божественном просторе
облако за облаком несло.

Вот тогда увижу я, как пламя
выжигает паморок и тьму.
...А к Тому, кто сжалится над нами,
тихо побредём по одному.

* * *

Уйдут последние свидетели
эпохи серой Москвошвея,
и слушатели и глядетели,
и пониматели идеи.

Уйдём и мы, не зная лучшего,
ученики, в пример иным,
но не Леонтьева и Тютчева,
а Кожинова с Бахтиным.

Из рук вторых и третьих подано,
но не бессмыслица и жмых,
а всё, что предано и продано
на гулких торжищах земных.

ДЕВЯНОСТЫЕ

Вагоны шли привычной линией...

А. Блок

Исчезли – жёлтые и синие.
В зелёных плакали и пели
продрогшие, невыносимые
простонародные свирели.

И флейты провожали жаляще
челночные, душе угодные
одежды из турецких залежей
в те девяностые, свободные.

Одни намылились отваливать,
а ты пытался в это встроиться.
И я ещё могла отмаливать
тебя у Господа на Троицу.

И я ещё могла надеяться
в Егорьевске у храма Божия,
что мной посаженное деревце
тобою будет обихожено.

Свобода била неуверенно
кому – под дых, а многим – мимо.
Но музыка была потеряна
осталась только пантомима.

* * *

Как только почувствуешь – больно,
так тотчас на тихой трубе
взыграют: «Довольно, довольно,
довольно уже – о себе!»

Я знаю, мой Ангел-хранитель,
по свету мотаясь с сумой,
что ты – мой единственный зритель,
свидетель единственный мой.

Все шрамы мои, все каверны
залечены, но всё равно:
что в сердце написано – скверно,
что в жизни случилось – темно.

МАТЬ

*Неужели вон тот – это я?
В. Ходасевич*

Неужели вот этот, распухший,
с тусклым взглядом, валяющийся с ног,
опустившийся, сникший, потухший –
ей родная кровинка, сынок...

Неужели лишь только за этим
он пришёл, оцетинившись, в мир,
чтоб служить назиданием детям
из соседних элитных квартир.

Неужели судьба, в пересменке,
одного из любимейших чад
не узнала, поставила к стенке,
где железные прутья торчат.

На Страстной, на Великой седмице,
когда в храмах звучит лития,
вижу: мать, как подбитая птица,
и мне кажется мать эта – я.

И когда он кричит: «Ненавижу!»,
обезумевши, с пеной у рта –
я молюсь, и мне кажется, слышу:
«Он у Господа не сирота...»

ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ

Как хорошо, что ты был на земле –
ел землянику, купался в Урале...
Вместе черёмухой губы марали
мама и мальчик!

И вот на столе –
в тёмной прозекторской...
Боже, о Боже,
Матери Божьей смирение дай –
стоя у гроба с бесслётною дрожью
жизни слепой собирать урожай.

Вот и рожай, плодоносная дева,
в тесто, в опару упрячь и чужай-
ся всякого-якого «права» и «лева»,
мальчиком только своим дорожай.
Что там стишки, гонорарчики, цацки,
что там газетная правда и ложь,
коль материнством – не бармы ли царские! –
Бог наградил за здорово живёшь.

Вот и прошу я у Бога прощенья.
Вот и молю Чудотворца опять
сон о младенчестве видеть – отмщенье,
пяточки сыну во сне целовать...

* * *

В Бутово на полигоне,
не приближаясь ко рву,
в кровь обдирая ладони,
рву молодую траву.
Сколько их было – не знаю,
список не полон пока...
Вижу: монашенок стаю
Ангел несёт в облака.
Небо, как рана сквозная, –
не заживёт и века.
Вижу священника в белом,
чёрные вижу кресты...
И обессиленным телом
падаю с той высоты.
...Мир разрывая на части,
цельность от боли круша,
вновь недостойна Причастья,
гневом палима – душа.

ПИСЬМО В ПАРИЖ

Возвращаясь в Эдем
после долгих блужданий
по России с её нужниками в грязи,
среди сказок её или иносказаний
удивительных – издали, страшных – вблизи,
одинокий, как перст, ты любовью – измучен,
может, это и есть родовое пятно? –
ни ногтями содрать,
ни забыться в падучей –
не залить даже водкой – проступит оно!
Так на вёсла садись и плыви по течению –
вдоль засохших кустов по умершей реке.
Но и это уже не имеет значенья
для России в её inferнальной тоске.
Может, только Господь
и остался над нами,
чтоб в надменной Европе, в роскошном саду
мы безжалостно мучились русскими снами,
умирать бы хотели – лишь в русском аду.

ГЛАГОЛЫ

Все говорят – надо валить, валить...
А мне ещё надо потолки побелить,
полы подмести, вынести сор,
и дослушать Навальному приговор,
и понять, кто судья, кто разбойник, кто вор.
На трёх могилках – посадить цветы,
дождаться их неземной красоты.
Встретить тех, кто придёт с войны.
Вынести всех из Кремлёвской стены,
похоронить на кладбище
и вас простить,
когда вы вернётесь их навестить.

* * *

В предпоследнем целованье
на больничной простыне
столько боли, то есть – знанья
о тебе и обо мне.

И покуда губы – в губы,
и пока душа – в душе,
я молчу о том, как любы
дни, прошедшие уже...

Нет ни страсти, ни влеченья
в лёгкой старческой руке,
но уходит в ночь свеченье
и не гаснет вдалеке.

А о том, что там, за знаньем, –
за последним целованьем
на исходе немоты –
знаем только я и ты...

РОПОТ

Смерть есть не что иное,
как милость Бога,
захотевшего ещё раз
испытать тебя на веру
и достоверность,
послать, как
маленькую сверкающую моль
к огню –
выживет или,
опалив крылья,
превратится в невидимый глазу
пепел.
Праздные рассуждения
стихоплёта или
реальность?

Прости, Боже!
Но мне очень и очень больно.
Больно.
Боль
но...

* * *

мой мальчик идёт война
боюсь что оставшись жить
ты бы пошёл умирать

и мне снова надо было
заказывать гроб
подбирать его по размеру
по форме и цвету
опираясь на своё безумие
и твоё отчаянье

боюсь я бы уже этого
не выдержала
да не боюсь
а бьюсь об заклад
ты бы пошёл на войну
а я умерла

но это был бы
лучший выход
в безвыходной ситуации